Скорость, с которой рушился Великолепный дворец, была ошеломляющей, а способ победы вдовствующей императрицы был настолько причудливым. Эти крупные фигуры при дворе королевства Янь так долго смотрели вперед и оглядывались назад, но так и не придумали, как избавиться от королевы-матери. Есть ли у вдовствующей императрицы какие-то замысловатые планы? Конечно же, нет. Невозможно опровергнуть даже споры о несчастных случаях.

Однако Аньчжэн действительно изменил страну и переписал период истории.

Вдовствующая императрица Су Циннуань умерла, умер и старый ядовитый Чжугэ Юнъюнь, но борьба не закончилась, а только началась.

На шестой день после смерти Су Циннуань группа придворных во главе с Шан Шучэн Цзайянем встретила мать и сына Е Юня в прекрасном дворце. Все придворные вели себя слаженно, и не было слышно ни одного гнусавого голоса. Этот короткий период времени после падения Великолепного Дворца был периодом медового месяца Секты Тяньци и этих больших семей.

Аньчжэну нечего было делать. Он воздержался от всех просьб о назначении, в том числе и от того, что был внутренним министром охраны, в том числе и от того, что был генералом, и от генерала четвертого класса Инъяна, и даже от ошеломляющего выбора помощника преступника. Великие заслуги Аньчжэна могут быть оставлены в книгах по истории царства Янь, а те, кто являются чиновниками, беспрецедентно единодушно продолжают писать Аньчжэну, чтобы он стал чиновником.

Поначалу это определенно не было враждебностью, но потом это притянулось друг к другу.

После этого сила Тяньцицзуна становилась все сильнее и сильнее, бесчисленное множество людей приходило и уходило, и на какое-то время импульс почти превзошел Тайшаньское додзе.

Пока двор был занят жарой, Ань Чжэн сидел в оцепенении в маленьком саду Тянь Цицзуна.

"Хотя официального наследования нет, Сяо Цидао решительно отдал четыре приказа. Во-первых, ускорить признание генералов Дунцзяна с целью прекращения войны против Юйго.

Генерал-наперсник рассматривает это по своему усмотрению, либо придерживается земель царства Ты, которые он приобрел, либо возвращает их с победой. Сяо Цидао дал Фан Конфиданту абсолютные права, что очень хорошо. Во-вторых, тетя Е уже стала королевой-матерью. Третье - уважать вас как короля. Четвертый - мой первоклассный отец. "

Ань Чжэн очистил апельсин и протянул его Му Чанъяню, который сидел на лежаке под солнцем. Тот с механической неподвижностью поднес апельсин ко рту. Сок стекал по уголку его рта. Он хихикнул: "Сладкий. "

Ань Чжэн вытер платком уголки рта Му Чанъяня: "Многое стало ясно позже. Причина, по которой ты не смогла открыть опеку семьи Му, на самом деле в Чжугэ Юйюне. Он отравил твою родословную ядом. Сила разрушена, как ты можешь открыть ту большую битву? Цзяншань Мушань по-прежнему принадлежит Му, но Сяоцидао сейчас находится в несколько более стабильном положении, чем когда он добился успеха. "

Му Чангян открыл рот: "Также ... все еще ем".

Ань Чжэн снова протянул апельсин Му Чанъяню: "Сяолюэр сказала, что застой в твоем теле - это ерунда, серебряная игла тоже была вынута, и червь тоже был высосан и съеден ее золотым

шелкопрядом, но это больно. Твой разум. Сможешь ли ты восстановиться в будущем, зависит от твоей силы воли. Ни Цин лучше тебя, потому что его разум сильнее тебя, и его воля сильнее тебя. Когда мы его нашли, он уже сам наложил себе кишки. Черви убили очень много. "

"Эти люди должны были убить Ни Цин. Хотя Ни Цин тоже был жертвой, ты был под контролем Ни Цин. Я спросил Ни Цина, куда он хочет поехать, и он сказал, что в Дунцзян. Даже если генерал Фан Цзицзи выведет свои войска, это будет неизбежно. Вывести войска было очень трудно, поэтому он хотел отправиться на поле боя, даже если он умрет, он умрет на поле боя. "

Ань Чжэн передал апельсины Му Чанъяню: "Ты хорошо живешь в Тяньцизуне. На самом деле, ты достаточно хорошо справляешься. Думаю, если твой старший брат еще жив, ты будешь гордиться собой".

Услышав слово "старший брат", глаза Му Чангяня загорелись: "Брат..."

Он засунул апельсины, которые Ань Чжэн протянул ему, в свою одежду и выжал весь сок.

"Почему бы тебе не поесть?"

"Оставь... старшему брату".

Ань Чжэн почувствовал кислую обиду в сердце и указал на бок рядом с собой: "Там еще столько всего, ты ешь, а я сниму кожуру после того, как ты съешь. Это также предназначено для твоего старшего брата, не меньше".

Му Чангян покачал головой: "Для брата".

Его руки не очень хорошо контролировались, и его сила была недостаточно хороша. Апельсины были сломаны, когда их запихивали внутрь. Но он был доволен, его глаза были полны света.

Ань Чжэн встал и велел кому-то позаботиться о нем.

Он ушел готовиться к школе боевых искусств, и теперь единственная должность, которую оставил Ань Чжэн, - президент школы боевых искусств. Чан Хуань ушел, Хуо Тангтанг так и не оправился от катастрофы. Хотя боевые искусства постепенно набирают жизненную силу, это все еще сравнимо с тем временем, когда они процветали. Сейчас даже Ду Шоусик и Гу Цянье являются учителями школы боевых искусств, но они полны жизненной силы.

**** Ань Чэнли, **** дворца Тяньцзи, подъехал на карете к внешней стороне Тяньцицзуна, увидел выходящего из нее Ань Чжэна и быстро вышел из машины, чтобы отдать честь: "Раб-слуга увидел дедушку".

Ань Чжэн схватился за голову: "Не говори глупостей, зачем ты здесь?".

Ань Чэнли улыбнулся и сказал: "Это царь привез раба-слугу, и он несколько раз призывал раба-слугу, но это ничуть не замедлило сказаться. Послезавтра будет церемония в честь зятя, царь разрешил невольнице прийти, чтобы сообщить принцу, не забудь. Царь сказал: "Тебя здесь нет, он не в своей тарелке".

Ань Чжэн сказал: "Как это можно забыть".

Ань Чэнли сказал: "Куда едет дедушка? В Вуюань?"

Энн кивнула.

Ань Чэнли вздохнул: "Если ты не будешь сидеть на стольких важных местах, то оставишь место декана школы боевых искусств. В это время, если вы владеете еще одним местом, займите еще одно место, иначе вас не ограбят эти люди. Идите. Чем с большим количеством людей мы сможем поговорить в суде, тем больше они не посмеют захотеть, по крайней мере, на светлой стороне. "

Ань Чжэн: "Ты прав, но я все равно не прочь остаться снаружи. Если я чиновник, если я вижу людей, которые плохо выглядят, как я могу бороться? Ты не хочешь об этом думать, я теперь апокалипсис Здесь также тысячи людей. Если я верну себе власть в суде, это никогда не будет хорошо. Если я совершу ошибку, Сяоцидао... Накажет ли меня король? Если нет, то власть короля не имеет значения, а законов страны я не знаю. Эти люди будут думать о том, что Фаэр играет за меня, а царь меня не беспокоит и не тревожит. Я нахожусь в реках и озерах, это гораздо лучше, чем люди в Чаотане. "

Ань Чэнли сказал: "Это действительно правда... Кстати, другой персонал не встретил никаких препятствий". Король упразднил двух предыдущих премьер-министров, Чэнь Цзайян был единственным премьер-министром. Дэн Тайчэн был каторжником, Ван Кайтай - солдатом военного министерства, Гу Чаотун - холостяком, инспектором императорской истории, и у этих людей ограбили еще одного Хубу Шилана. Хотя это всего лишь временное поколение, в будущем оно станет лучше. "

Ань Чжэн сказал: "Так будет прочно, война закончилась, отдыхай и восстанавливайся, пока нет несчастных случаев, все будут жить мирно".

Ань Чэнли: "Одна вещь очень опасна... Перед смертью королева-мать как-то обсуждала соглашение с племенами на лугу. Хотя окончательного подписания не было, эти луговые варвары все равно прислали нам национальную книгу под этим предлогом.

Они сказали, что королева-мать обещала отдать им железный рудник Яншань, и они обменяли 50 000 лошадей на замену. Это выглядит очень угрожающе. Если мы не отдадим железный рудник Яншань, они пойдут на юг. "

Ань Чжэн: "Есть перевал Яньмэнь, не беспокойтесь об этом. Таким образом, пожалуйста, попросите генерала Фан Даочжи осмотреть перевал Яньмэнь, и мы покажем свое отношение. Не говоря уже о 50 000 боевых коней, даже 500 000 боевых коней железной руды не могут. Как только у людей прерий появится железная руда, это будет подобно дракону, летящему в небе. В это время не только страна Янь, но и вся Центральная равнина будет страдать от бедствий. Луг настолько велик, что он не намного больше Дакси. "

Ань Чэнли сказал: "Когда я вернусь, я скажу царю, что раб-слуга отступит первым".

Ань Чжэн сказал: "Иди, позаботься о царе за меня".

Ань Чэнли: "Так и должно быть, сейчас я чувствую себя счастливым и открытым, а мои руки и ноги стали более небрежными".

Ань Чжэн рассмеялся и повернулся, чтобы идти в школу боевых искусств, как вдруг увидел молодого монаха в белоснежной монашеской одежде, стоявшего на улице.

В тот день в Сплендид Палас, если бы не помощь монахов, можно было бы утверждать, что у них ничего не получится. Му Цидао не забыл о пользе этого монаха и послал кого-то за ним,

спросив, какую награду он хочет получить. Монах ответил, что построит храм на одном акре земли. Это определенно не чрезмерное требование, поэтому оно сразу же стало правильным.

"Гроссмейстер".

Ань Чжэн подошел, наклонился и отдал честь.

Монах покачал головой: "Зовите меня просто монах Сюань Тин, допустим, вы теперь ваш тесть, как я смею принимать вашу любезность?"

Ань Чжэн с улыбкой сказал: "Буддист сказал, что все существа равны".

Монах сказал: "Раз все равны, почему вы должны быть более вежливым?".

Ань Чжэн: "Я не могу сказать, ищет ли меня хозяин?".

Монах сказал: "На тебе сидит демон".

Ань Чжэн ошеломленно посмотрел на браслет Пэйчжу с кровью на запястье.

Монах улыбнулся: "Но я видел это, это не повлияет на вас до поры до времени, и это не плохо. Просто дьявол находится рядом, и эта сторона подвержена его влиянию. Пока твое душевное состояние спокойно и непоколебимо, ты не сможешь воспользоваться этим. "

Ань Чжэн подумал о Чэнь Шаобае и его отце. На этот раз Чэнь Шаобай не проявил никакой помощи и не знал, не пошло ли что-то не так в горе Кангман.

Монах сказал: "Человек сильнее демона, и демон не страшен. Ты больше занимаешься и меньше практикуешь, что не очень хорошо. Если ты готов..."

Ань Чжэн покачал головой: "Не готов".

Монах на мгновение застыл: "Откуда ты знаешь, что я собираюсь сказать?".

Ань Чжэн рассмеялся: "Я не хочу брить голову, не хочу пить или есть мясо, не хочу не жениться на жене или не иметь детей, и я не хочу хвастаться, когда вырасту".

Он сказал: "Только подумаю об этом, мне становится очень не по себе".

Монах вздохнул: "Если ты готов войти во врата Будды, ты - ваджра".

Ань Чжэн: "Я не могу войти во врата Будды и могу совершать добрые дела. Почему мастер должен быть таким настойчивым".

Монах: "Не думай больше об этом?".

Ань Чжэн: "Если мастер готов сопровождать меня, чтобы пить и есть мясо в будущем, я могу подумать об этом".

Монах помолчал некоторое время, а затем серьезно кивнул: "Если ты сможешь войти в Будду, я обещаю тебе".

Ань Чжэн прятался за укрытием: "Почему бы тебе не сыграть в карты в соответствии со

здравым смыслом? Забудь, когда я не говорил..."

Монах покачал головой: "Куда ты идешь?"

"Вуюань, к моему господину".

"Твоего хозяина?"

"Хорошо".

Женщина по имени Хуо Тангтанг появилась в сознании Ань Чжэна. В любом случае, она была ученицей под ее дверью. Даже сейчас Ань Чжэн уже считается первоклассным защитником страны, деканом двора боевых искусств, патриархом Тяньци, но он все еще ученик Хуо Таньтан. По словам Ду Шоуцзяня, однажды - учитель, а мать - на всю жизнь.

Монах сказал: "Мне нужен акр земли, и я планирую построить храм. Это все еще пустыня для буддизма. Кстати, кое-что тебе никогда не рассказывали, и ты не пришел спросить меня, я забуду... во дворце Фэйрвью, знаешь ли ты, почему я помог тебе? "

"Не знаю."

"Из-за кого-то, она назвала Сюй Мэйдай..."

Лицо Ань Чжэна изменилось, и он горько улыбнулся.

Монах сказал: "Она сейчас находится в Западном королевстве буддизма, а я случайно встретил ее на полпути из королевства Цзиньдин. Она попросила меня навестить вас в царстве Янь. Увидев, что здесь никто не верит в Будду, она почувствовала ужас, поэтому задумала остаться". . Но если вы хотите построить храм, то не обойтись без обычных вещей, то есть серебра. "

Ань Чжэн: "Я выйду".

Монах покачал головой: "Нет, я сделал его сам".

"Что?"

"Ты что, забыл, что я собрал серебро из Великолепного дворца? Увы... Монах обманул в первый раз, но денег на строительство храма хватило".

Ань Чжэн: "Не думаю, что ты о чем-то жалеешь".

Монах: "Почему вы сожалеете?".

"Разве монах не должен обманывать людей? Есть боги, которые поднимают голову на три фута, и Будда их увидит".

"Он смотрит на меня, я не смотрю на него".

Монах повернулся и пошел прочь: "Все притворяются, что не знают, что Будда не глуп..."

Энн вздохнула: "Ты не похож на серьезного монаха".